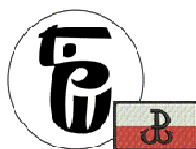

TOWARZYSTWO PRZYJACIÓŁ WARSZAWY

Program
„LUDNOŚĆ CYWILNA W POWSTANIU WARSZAWSKIM 1944”

110 ДНЕЙ ГИБЕЛИ ГОРОДА

Stowarzyszenie
Pamięci

Powstania
Warszawskiego
1944

Варшава * Музей Независимости * 13 декабря 2014 г.

TOWARZYSTWO PRZYJACIÓŁ WARSZAWY

Program

„LUDNOŚĆ CYWILNA W POWSTANIU WARSZAWSKIM 1944”

Kontakt 601 388 970 A. Dobiecki

110 дней разрушения Варшавы немцами

Программа встречи 13 декабря 2014 г.

13.00 – встреча в Зале Музея Независимости (ал. Солидарности 62):

- встреча участников организаторами;
- введение в тему свидетелями истории;
- медийное оформление темы;

14.30– 17.30

Экскурсия с проводниками ОДВ „ПУТЕМ ПЕПЛА” (Дворец Республики, старая Университетская Библиотека, Библиотека ординации Красиньских). Завершение экскурсии на углу улиц Фоксаль и Коперника, перед культовым рестораном КАМЕРАЛЬНАЯ.

ПРИГЛАШАЕМ

**на следующую ИСТОРИЧЕСКУЮ ВСТРЕЧУ,
ЗАВЕРШАЮЩУЮ ПРОГРАММУ**

**JAK FENIX
Z POPIOŁÓW**

**Sobota
17. stycznia (2015)**

Внимание

Все ВСТРЕЧИ начинаются в 13.00 в (возле) Музея Независимости (на Трассе Восток-Запад - ал. Солидарности 62)

Дорогие Друзья Варшавы!

13 октября 1938 г. в Национальном Музее в Варшаве по инициативе президента Стефана Стажиньского была открыта выставка „Варшава вчера, сегодня и завтра”. В то время никто не предполагал, что следующая выставка, посвященная столице, получит название „Варшава обвиняет” и будет свидетельством совершенного гитлеровцами уничтожения города и его культурного наследия.

„Варшава вчера, сегодня, завтра” - отдел „Снабжение жителей”. „Варшава Обвиняет”- зал разрушений

После многих лет удалось собрать воспоминания и свидетельства, рассказы о судьбах коллекций и о людях, которые их спасали, поддерживая пламя польской культурной жизни. Стоит обратиться к книге под редакцией Станислава Лоренца „Борьба за культурные ценности Варшава 1939-1945”, воздать почести многим известным и неизвестным жителям Варшавы, которые во время оккупации собирали опасные материалы, давая миру свидетельство страшной правды.

В нашем ВЫПУСКЕ борьбе за культурные ценности мы посвящаем целый раздел, завершающий рассказ о 110 днях ограбления и разрушения Варшавы.

Беата МИХАЛЕЦ
Председатель Главного
правления
Общества Друзей Варшавы

TOWARZYSTWO PRZYJACIÓŁ WARSZAWY

Program

„LUDNOŚĆ CYWILNA W POWSTANIU WARSZAWSKIM 1944”
Kontakt 601 388 970 A.Dobiecki

От автора Программы

Кто из нормально мыслящих людей сможет понять и логически объяснить месть за свои военные неудачи, совершенную немцами против беззащитных, покинутых и поврежденных костелов, домов и улиц города? Это чистая психопатия, коллективная паранойя, безумие.

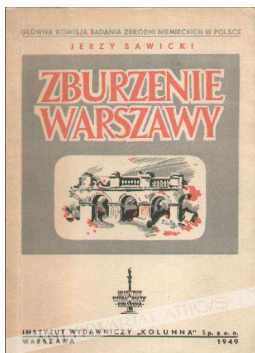
В Словаре польского языка Государственного научного издательства написано, что это «психическое заболевание, характеризующееся логически систематизированным бредом, постепенно усугубляющимся, без существенных изменений личности и без ослабления интеллекта; помешательство.»

Как могло случиться, что этих двух психопатов на букву Г послушались сотни исполнителей – с ожесточением грабящих, жгущих и разрушающих беззащитные стены?

Это могли сделать только солдаты одного одурманенного народа, для которого ORDNUNG IST ORDNUNG, а BEFEHL IST BEFEHL. Так как власть распорядилась и приказала – так надо делать.

Возможно, не все из них думали так, как поступали. Но учитываются последствия, учитывается результат.

Генералы Вермахта даже старались придумать логическое обоснование для разрушений, называя Варшаву „крепостью” - FESTUNG WARSCHAU. Но к концу декабря отказались от этого. Прочитайте об этом в книге Ежи Савицкого.

Наша Программа „Гражданское население в Варшавском Восстании 1944” приближается к концу. Мы завершим ее воспоминанием о радости возвращения и удовлетворением от восстановления нашего города.

Эта последняя ИСТОРИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА состоится в символический день **17 января. Это дата изгнания в 45-м шкопов из Варшавы.** Они бежали из ее развалин, как крысы с тонущего корабля. Но этот корабль не утонул.

С первых дней, со всех сторон, по суше и по льду начали возвращаться изгнанники, чтобы из развалин, огня и пепла Варшава возродилась заново, как Феникс, легендарная птица древнего мира.

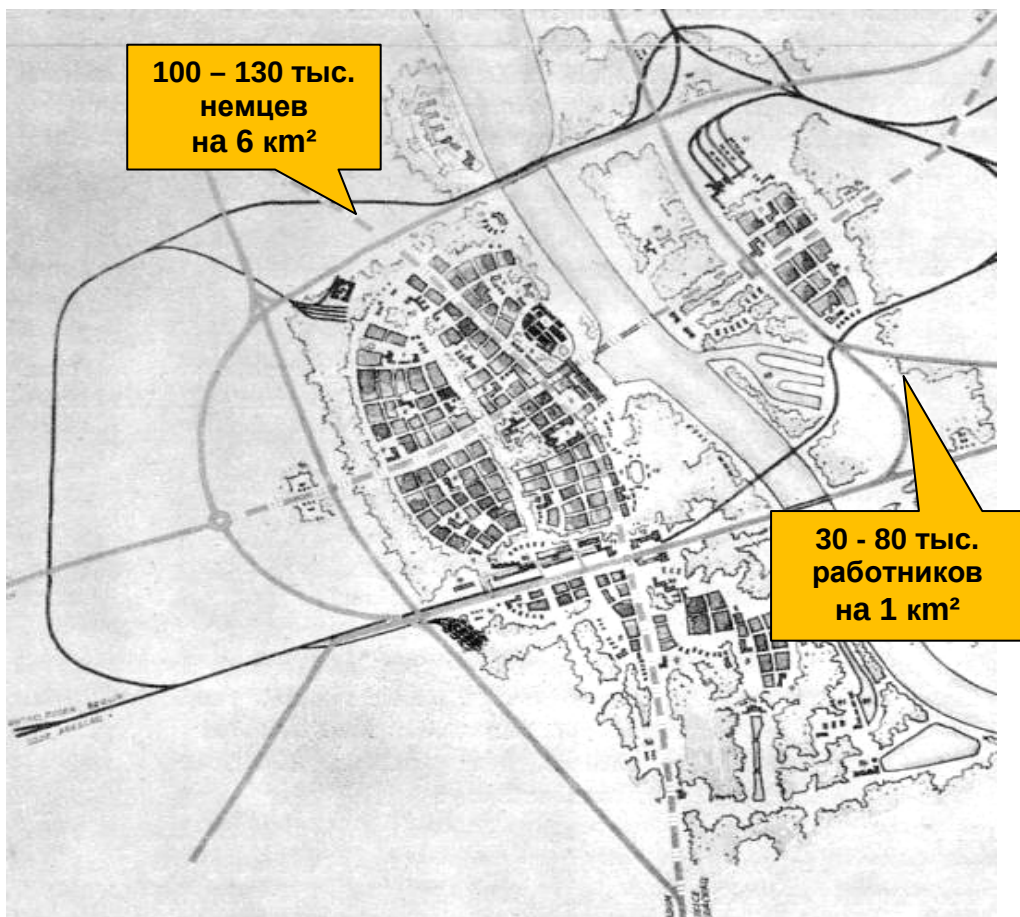
Приглашаем на встречу в 70-ю годовщину первых возвращений.

Аугустин ДОБЕЦКИ
ОДВ, ОПВВ 1944

Пролог

История приказа, а точнее приказов, распоряжений и инструкций о разрушении Варшавы, отданных на разных уровнях гитлеровской власти, была долгой и началась еще в довоенные годы. Уже тогда планировалось, что Польша, лишенная интеллигенции и элит, станет страной бездумной и необразованной рабочей силы для III Рейха, а Варшава транзитным городом по пути *nach Osten*.

Гитлер создал штаб урбанистов с заданием сокращения почти полутораmillionной Варшавы, называемой „Парижем севера“, до сотысячной базы для немцев и тридцатитысячной спальни для их польской прислуги.

**100 – 130 тыс.
немцев
на 6 км²**

**30 - 80 тыс.
работников
на 1 км²**

Новый немецкий транзитный город

Новый немецкий город, предназначенный для немецкой элиты и *Ortsgruppe*, управляющей захваченными территориями на востоке, кроме огромного транспортного узла, должен был иметь пересекающиеся под прямым углом улицы, прямоугольные кварталы, застроенные по-нацистски монументальными, угловатыми зданиями в стиле берлинской Рейхсканцелярии.

Довоенные идеи после вступления немцев в Варшаву постепенно превращались в конкретные урбанистические планы и решения, которые начали реализовывать в варшавском гетто с осени 1943 г.

Проектными работами руководил архитектор Фридрих Пабст, и поэтому независимо от очередных авторов, все возникающие урбанистические рисунки называли ПЛАНОМ ПАБСТА.

Самыми опасными стали предложения 1942 года, которые предполагали среди прочего разрушение Королевского Замка, перестройку Замковой площади и разборку Колонны Зигмунта. На месте Замка Пабст запроектировал постройку *Partei Volkshalle* - Зала Конгресса НСДАП, огромного здания, накрытого куполом. Вместо Колонны планировалось поставить таких же размеров Монумент Германии, похожий на уже стоящий в Рюдесхайме, в долине Рейна. Комплекс партийных зданий НСДАП дополняла площадь для массовых собраний, а также большой стадион над Вислой.

Вокруг центра размещались 10 жилых комплексов, на юге район вилл, а за стенами Крепости новые большие здания казарм.

Немцы, как это им свойственно, подошли к делу планомерно и систематически.

Мороз пробирает по коже, когда мы отдаем себе отчет в том, что выполнение *Плана Пабста* начали в год Сталинградской битвы, полностью разрушая Муранув, что, не обращая внимания на приближающийся фронт, систематически продолжали свою „работу“ во время Восстания и после него, и что за день до изгнания 16 января 45-го еще тяжело работали, поджигая Общественную Библиотеку города Варшавы на улице Кошиковой и взрывая пресвитерий [костела св. Кароля Боромеуша](#) на ул. Хлодной.

Замок взорвали за день до того, как покинуть Прагу, а в колонну Зигмунта танк выстрелил на следующий день после того, как повстанцы покинули Старе Место. Зачем? Почему? Откуда это помешательство?

Остался склад награбленного в костеле св. Августина (1)

Генеральная репетиция

Апрель 1943 года. Продолжается интенсивная эвакуация населения варшавского гетто в лагеря смерти. 19 апреля за стенами начинается бой. Горят первые дома. С 20 апреля немцы начинают систематически поджигать и взрывать их.

16 мая в 20:15 взорвана Большая Синагога на ул. Тломацке. Немцы остаются один на один с четвертой частью плотно застроенного центра. Прячась за стенами, они могут продолжать генеральную репетицию разрушения старой Варшавы. Это и есть подготовка территории для „**НОВОГО НЕМЕЦКОГО ТРАНЗИТНОГО ГОРОДА**”? Или только паранойя?

на горящем Муранове

Францишек Вышиньски в своей книге *Воспоминания о 1941-1944 годах*, опубликованной в 2007 г., сделал запись от 10 мая 1943:

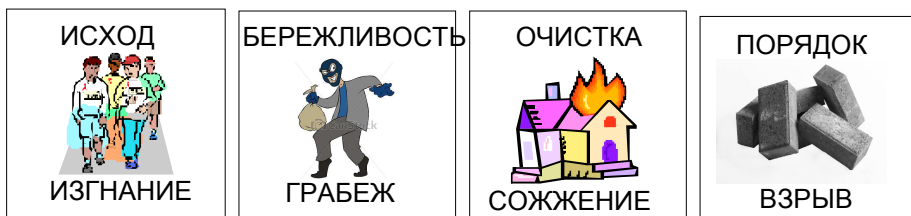
„...Сегодня тоже слышны были взрывы и видны пожары. Защищаются ли еще евреи, никто не знает. Говорят, что немцы взрывают высокие стены выжженных домов, которые могут обрушиться; но с одной стороны взрыв стен не может постоянно вызывать новых пожаров, а с другой стороны прежде всего следовало бы разрушить очень высокие торцевые стены домов гетто на улице Бонифратерской и восстановить трамвайное сообщение, но этого немцы не делают. Согласно иной версии немцы хотят сжечь и разрушить все гетто. Для Варшавы это была бы невосполнимая потеря и ущерб, которые уже вызвали огромный рост цен на дома в предвидении сильного послевоенного жилищного голода, в то время как существование пустых домов в еврейском квартале дало бы Варшаве после войны и проведения ремонта огромный запас пустых квартир ...”

Система

Сегодня трудно сказать, случай ли создал систему, или система воспользовалась случаем. Несомненно одно. Решение о ликвидации гетто было причиной боевых действий на его территории, в результате чего немцы начали поджигать и разрушать дома. А потом их врожденная склонность к бережливости и порядку велела им „сохранить” материальные ценности, а также прибрать за собой – нивелируя и равняя до общего уровня то, что осталось.

В результате появилась и прошла проверку четырехуровневая система уничтожения города, состоящая в: изгнании жителей, грабеже и сожжении их жилищ, а также взрыве выжженных развалин.

Из этих развалин еще можно было кое-что получить. Например, кирпич для строительства военных укреплений, которые после разрушения гетто начала при помощи заключенных возводить *Organisation Todt*, ОТ, строившая такие объекты для Вермахта.

немецкая система уничтожения Варшавы

Система требовала неизвестной до сих пор организации „работы”, создания специальных сил, а также применения новых средств борьбы с городской застройкой и инфраструктурой.

Надо было справиться с людьми, провести „исход”.

Надо было уточнить, что начальство понимало под лозунгом „ценности, подлежащие эвакуации”, организовать транспорт, склады и „чистильщиков”.

Надо было организовать „поджигателей”, а для них оборудование и бензин.

Надо было привезти саперов, а для них оборудование и взрывчатые материалы.

Таким образом, следовало создать истребительные отряды. Не вдаваясь в подробности, они были созданы на базе частей [*Technische Nothilfe*](#), то есть саперных отрядов полиции под командованием Вилли Шмельхера. В Варшаве действовали три такие группы.

Эта система уничтожения города, испытанная на Муранове, в стенах гетто, после многочисленных улучшений и дополнений пригодились при выполнении безумных приказов Гитлера и Гиммлера.

Давайте попробуем без подробностей и эмоций вспомнить как немцы справились с делом. Но прежде чем говорить о логистике, вспомним сначала о решениях и приказах. Потому что для немцев приказ есть приказ – *befehl ist befehl*.

Befehl ist befehl

Прекрасно зная эту немецкую черту, Гитлер, а за ним Гиммлер и командиры армии, СС и прочей полиции могли себе позволить отдавать шизофренические приказы, зная, что они будут выполнены, невзирая на военную и материальную ситуацию.

Также и поэтому довоенная идея сокращения Варшавы, которая под влиянием ярости, вызванной нашей строптивостью и сопротивлением, превратилась в приговор – могла стать выполнимой даже под дулами фронтовых орудий. Вероятно, это уже была не урбанистическая задача, а скорее удовлетворение от факта, что за ними остается „выжженная земля”.

Давайте проследим эти изменения.

1. **15 июля 1940 г.** Ганс Франк пишет:

„в отношении Варшавы фюрер решил, что восстановление этого города в качестве польской метрополии абсолютно исключено. Фюрер желает, чтобы вместе с общим развитием Генерального Губернаторства Варшава опустилась до уровня провинциального города”

2. **6 февраля 1944 г.** то есть уже после Сталинграда и „генеральной репетиции” в гетто, во время разговора с Гансом Франком [Гитлер](#) заявил:

„Варшава должна быть разрушена, как только представится соответствующая возможность”

Эта „возможность” появилась уже через пять месяцев.

3. **ночью с 1 на 2 августа**, когда Гитлер узнал о начале Варшавского Восстания, в припадке ярости он приказал:

**„КАЖДОГО ЖИТЕЛЯ СЛЕДУЕТ УБИТЬ,
ПЛЕННЫХ БРАТЬ НЕЛЬЗЯ.
ВАРШАВУ НУЖНО СРАВНЯТЬ
С ЗЕМЛЕЙ И ТАКИМ ОБРАЗОМ СОЗДАТЬ
УСТРАШАЮЩИЙ ПРИМЕР ДЛЯ ВСЕЙ
ЕВРОПЫ ...”**

Этот приказ начали дословно выполнять подавлявшие Восстание эсэсовские бандиты, устроив резню Охоты и Воли.

4. **4 августа 1944 г.** командование [9 армии](#) получает из Берлина распоряжение:
„Варшаву следует полностью сжечь. Приказываю поджечь [все здания] в радиусе тысячи метров справа и слева от улицы, потому что иначе мы там не проедем”

Речь шла о возможности доезда до мостов. Немцы успели частично сжечь Иерусалимские Аллеи, Хлодную и Новый Зъезд.

5. **5 августа 1944 г.** Ганс Франк записал в своем дневнике:
„Почти все части города Варшавы охвачены огнем. Полное сожжение домов будет лучшим средством для того, чтобы лишить повстанцев укрытий... После этого восстания и его подавления Варшаву ожидает заслуженная участь – полное уничтожение ”
6. **2 октября 1944 г.** Эрих фон дем Бах обязался в пункте 10 „Договора о прекращении боевых действий в Варшаве”, что:
„Требуемая немецким руководством эвакуация гражданского населения из Варшавы будет так распределена в пространстве и времени, чтобы избавить эвакуированных от различных тягот. Население получит возможность забрать с собой предметы искусства, имеющие культурную и костельную ценность. **Немецкое руководство будет стараться защитить оставшееся в городе общественное и частное имущество**
...”

Как выяснилось через неделю, немцы не собирались держать свое слово. То, что население забрало с собой – разграбили солдаты конвоя, а то, что население оставило – грабили специальные отряды армии, полиции и немецкой администрации.

Ожарув. Подписание ДОГОВОРА О ПРЕКРАЩЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ВАРШАВЕ"
Сидят слева направо: дипломированный полковник Казимеж Иранек-Осмецки, псевдоним "Ярецки", генерал фон дем Бах и дипломированный полковник Зигмунт Добровольски, псевдоним "Зындрам"

7. **9 октября 1944 г.** Генрих Гиммлер вызывает Эриха фон дем БАХА в свою штаб-квартиру и приказывает

**....„ЭТОТ ГОРОД ДОЛЖЕН ПОЛНОСТЬЮ ИСЧЕЗНУТЬ
С ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ И СЛУЖИТЬ ЛИШЬ
В КАЧЕСТВЕ ПЕРЕВАЛОЧНОГО ПУНКТА ДЛЯ
ВЕРМАХТА. НЕ ДОЛЖНО ОСТАТЬСЯ
КАМНЯ НА КАМНЕ.
ВСЕ ЗДАНИЯ СЛЕДУЕТ РАЗРУШИТЬ ВПЛОТЬ
ДО ФУНДАМЕНТОВ. ОСТАНЕТСЯ ТОЛЬКО
ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ И ЗДАНИЯ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ”...**

Этот приказ полицейского III Рейха самого высокого ранга объясняет все. Губернатор Варшавы так информирует о нем своего начальника:

8. **11 октября 1944 г.**, Сохачев. Телефонограмма Людвиг Фишера, губернатора варшавского округа, генеральному губернатору Гансу Франку по поводу приказа о полном разрушении Варшавы

„Касательно: Новой политики в отношении Польши.

„В связи с визитом обергруппенфюрера СС фон дем Баха у рейхсфюрера СС сообщая следующее:

1. Генерал Бур заявил, что на время войны прекратит всякую политическую деятельность и что считает себя только военнопленным. В связи с этим заявлением ген. Бур не был принят рейхсфюрером СС.

2. Обергруппенфюрер фон дем Бах получил новое распоряжение, касающееся пачификации Варшавы, то есть полного разрушения Варшавы еще во время войны, если этому не препятствуют военные соображения в области строительства укреплений. Перед разрушением Варшавы следует эвакуировать все сырье, все текстильные изделия и всю мебель. Главное задание достается гражданской администрации.

Довожу это до Вашего сведения, поскольку этот новый приказ фюрера о разрушении Варшавы имеет огромное значение для дальнейшей новой политики в отношении Польши.

*Губернатор варшавской области
в наст. время Сохачев
подп. доктор Фишер”*

Логистика

Об исходе мы рассказывали в октябре и написали в Выпуске № 4. Была также экскурсия на территорию бывших пересылочных лагерей в Урсусе, Прушкове и Ожарове, в которой приняло участие более 200 человек.

Здесь мы лишь напомним, что во время и после Восстания:

- выселили всех жителей левобережной Варшавы;
- их выселяли последовательно, по мере захвата немцами очередных районов города;
- после „прекращения военных действий” в левобережной части города осталось около 40 – 60 „Робинзонов”;
- в течение 110 дней немецкие разрушители были на этой стороне Вислы одни, и никто им не препятствовал в их тяжелом труде;

Массовый грабёж в Варшаве всего, что имело какую-либо ценность, был организован в совершенстве.

Грабежом занимались рабочие бригады, в состав которых входили принудительные рабочие и добровольцы, набравшиеся из отбросов общества из-под Варшавы. В общей сложности это было 800–1000 польских мужчин. В основном они были собраны в Прушкове, где также находился один из складов награбленного имущества.

Работой руководил ответственный за вывоз имущества из Варшавы *Räumungsstab* - „Эвакуационный штаб” под командованием военного преступника Пауля Отто Гейбеля – тогдашнего [командующего СС и полиции](#) варшавского округа.

Покинутые квартиры или же общественные здания систематически, в соответствии с графиком, очищались от всех ценных предметов и материалов. И передавались „поджигателям”.

После ограбления квартир и общественных зданий от всего, что можно было, к работе приступало *Brandkommando* – „пожарная бригада“- поджигатели.

Они систематически поджигали этаж за этажом, дом за домом, квартал за кварталом. К концу года, когда бензина стало не хватать – поджигали уже только каждый второй этаж и не все дома.

Если огонь гас, поджигали снова.

Особенно лакомым куском для поджигателей были архивы и библиотеки.

Намеренно и с удовольствием сожгли Центральный Архив на ул. Длугой 24, Архив Исторических документов на ул. Иезуитской 4, Архив Казначейства на ул. Подвале 5, Архив Митрополитской Варшавской курии, а также Центральную библиотеку Варшавской Политехники. Особое удовлетворение им доставила Библиотека ординации Красиньских на Окульнике, которую жгли этаж за этажом. Сожжены были также: костел отцов Августинов на улице Пивной, костел св. Александра на площади Трех Крестов, а также костел св. Барбары на [ул. Новогродской](#).

Когда стены остывали, к работе приступал отряд минеров - *Sprengkommando*,- который взрывал выбранные сожженные объекты.

В зданиях и развалинах, предназначенных для взрыва, сверлили отверстия, в которые закладывали соответствующего размера взрывчатые заряды, дистанционно их взрывая.

Во время „генеральной репетиции“ на Муранове было взорвано все, что выступало над четырехметровым слоем обломков. После Восстания уже нет. Динамит берегли для наилучших. Для Замка, для Главного Вокзала. Для Филармонии и Гостиницы Европейской. Последнюю взрывали за день до капитуляции.

Таким образом „прибрали“ также некоторые транспортные артерии, из которых самой эффектной была Кручая. Лишенная всех домов (остались два или три), в период соцреализма она стала центральной улицей всех министерских зданий.

Цели

Во время мурановской „генеральной репетиции“ цель была ясна, а диапазон невелик. Так, как приказал вождь в свой день рождения – всю территорию сравнивали с землей.

Однако после Восстания у них было мало времени, а площадь огромна. Они должны были выбирать, установить какие-то приоритеты, рассчитать имеющиеся силы и средства.

Главным приоритетом стало получение вторичного сырья, металлов, текстиля, мебели. К концу операции даже вырвали из земли уличные фонари и телефонный кабель.

Очередной важной целью было уничтожение самосознания поляков.

С особенной яростью уничтожали польские архитектурные достопримечательности и памятники, жгли архивы и библиотеки.

Из 31 варшавского памятника 22 были уничтожены.

Третьей причиной разрушения было желание помешать нам вернуться, выражавшееся в систематическом уничтожении всех муниципальных объектов и городской инфраструктуры.

Уничтожили, сожгли или серьезно повредили, в том числе [электростанцию на Повислье](#), [фильтры](#), [станцию речных насосов](#), газовый завод, [трамвайную электростанцию](#).

Чтобы не допустить возвращения, уничтожали транспортные объекты. Взорвали Главный и Почтовый вокзалы, повредили туннель. Взорвали все мосты. Разрушили [аэродром на Окенче](#).

С помощью танков вырывали трамвайные пути. Сожгли и по большей части разрушили дома на центральных улицах: Маршалковской, Новом Святе, Краковском Предместье, Иерусалимских Аллеях, Кручей.

На Маршалковской

Во вред себе

Решения о масштабе и способе разрушения Варшавы принимали СС и полиция. Решения о масштабе и характере боевых действий на фронте над Вислой принимали военные.

Ожесточенность первых часто вредила вторым.

Часто систематическое разрушение открывало оборонительные позиции.

Кроме того, по мнению военных, на не имеющее никакого военного значения разрушение города расходовалось огромное количество бензина и ценных взрывчатых материалов, необходимых на фронте.

Из книги Ежи Савицкого РАЗРУШЕНИЕ ВАРШАВЫ – Показания немецких генералов, данные польскому прокурору - члену польской делегации Международного Трибунала в Нюрнберге – мы можем узнать, что:

- О генерал Гудериан признал, что уничтожение Варшавы „навверняка не было обоснованно военной необходимостью”;
- О генерал Эйсенштюк показал, что взрывы и поджоги зданий в Варшаве не были в интересах армии, поскольку таким образом уничтожались важные для военных квартиры;
- О кроме того генерал Эйсенштюк вспоминал, что: „военные жаловались... что требуемые боеприпасы для взрыва военных целей поступали в минимальном количестве, или же их не получали вовсе, и что эти боеприпасы должны были использоваться для других целей, а именно для разрушений”.

Пожарная бригада

Brandkommando за работой

Не успели

Достоин удивления факт, что разрушая город, немцы совершенно не обращали внимания на стоящий за Вислой фронт. И потому успели не все. Осталось много объектов, подготовленных к взрыву, с просверленными отверстиями, иногда уже сожженных, как Дворец в Лазенках.

Таким образом „уцелели“ среди прочих [Бельведер](#), [Дворец под Жестью](#), [развалины Оперы](#), а также костелы отцов [Бернардинцев](#), [Кармелитов](#) и сестер [Визиток](#) на [Краковском Предместье](#).

Однако все эти объекты немцы успели разорить и полностью ограбить. В Бельведере „очистка была настолько тщательной, что со стен сняли также обои“ докладывало командование Вермахта.

Ограбленный и сожженный, подготовленный к взрыву Дворец на Острове в Лазенках

Добыча

Никто не в состоянии определить, сколько „подлежащего эвакуации имущества“ разграблено. Все немецкие данные неполные и касаются разных периодов. Регистрировались крупные операции. Никто не оценил размеров „индивидуальной“ деятельности солдаты из конвоя, мародеров из разных отрядов или прочих „чистильщиков“.

С этой деятельностью „по собственному почину“ не могли справиться сами немцы, о чем свидетельствует выданное солдатам разрешение забирать все из тех домов, в которых начался пожар.

В масштабе проблемы мы можем убедиться, изучая доступные данные о количестве использованного транспорта.

Рапорт от 29 августа 1944:

„ежедневно загружают 200–300 вагонов с целью спасения текстильных изделий, жиров, поврежденного оборудования и двигателей“

Военный рапорт с середины сентября:

„с 11 августа до 15 сентября вывезено из Варшавы 23 300 вагонов, заполненных „подлежащим эвакуации имуществом“...“

Еще один рапорт для Берлина более точен:

с середины августа до середины декабря 1944 вывезено из Варшавы:

- **26 319** вагонов и **850** грузовиков, заполненных награбленным имуществом, сырьем и промышленным оборудованием;
- **3240** вагонов с сельскохозяйственными продуктами;

В книге „Разрушение Варшавы“ мы находим информацию о том, что:

„...для вывоза награбленного в Варшаве имущества немцы использовали 1000 составов из 45 000 вагонов“...

Зато не представляется возможным рассчитать „количество имущества, эвакуированного **автомобильными колоннами**, а также пустыми обратными поездами“...

Стоит напомнить, что в опустевшей Варшаве действовали также „на свой риск“ родимые мародеры. Вероятно поэтому многие из нас, возвращаясь в свои подвалы, не обнаружили спрятанных там под углем семейных памятных вещей и „сокровищ“.

Согласно приказам Гимmlера, военную добычу из Варшавы вывозили в:

- о лагерь Равенсбрюк: текстильные изделия, меха и ковры;
- о Рейхсбанк в Берлине: деньги, золотые монеты и золото в слитках;
- о Управление ломбардов в Берлине: часы, браслеты, кольца и прочие драгоценности.

Баланс

Проще говоря, можно предположить, что Варшава во время II мировой войны разрушалась и уничтожалась трижды:

1. в течение 28 дней во время обороны в сентябре 1939 г.
2. в течение 63 дней во время боевых действий Варшавского Восстания в августе и сентябре 1944 г.
3. в течение 110 дней после „прекращения военных действий” и изгнания жителей с октября 1944 г. до середины января 1945 г.

На первом этапе в результате авиационных и артиллерийских бомбардировок уничтожено **10 - 15%** застройки;

На втором этапе, в борьбе с танками и во время целенаправленного разрушения города шукасами, коровами, Толстой Бертой, Фердинандом, а также прочими немецкими изобретениями, уничтожению подверглось около **25 - 30%** левобережной застройки;

Во время целенаправленного, запланированного, систематического, психопатического и бессмысленного разрушения города в течение их последних 110 дней на нашей варшавской земле – немцы успели уничтожить **35 – 40%** (согласно некоторым источникам 30%) застройки левобережной Варшавы.

На изданной в 1948 г. КАРТЕ РАЗРУШЕНИЙ, основанной на авиасъемке, выполненной в 1945 г. советскими летчиками для Бюро Восстановления Столицы (Biuro Odbudowy Stolicy) – размер потерь оценен на **84%** застройки левобережной Варшавы. С Прагой потери составили около **65%**

Приблизительный объем развалин, покрывающих Варшаву в 1945 г., был оценен на **20 миллионов м³**.

В отдельных районах мы потеряли:

100% - мостов, железнодорожных и аэровокзалов;

95% - объектов культуры;

90% - исторических зданий (в том числе костелов), объектов службы здоровья, автобусных и трамвайных депо;

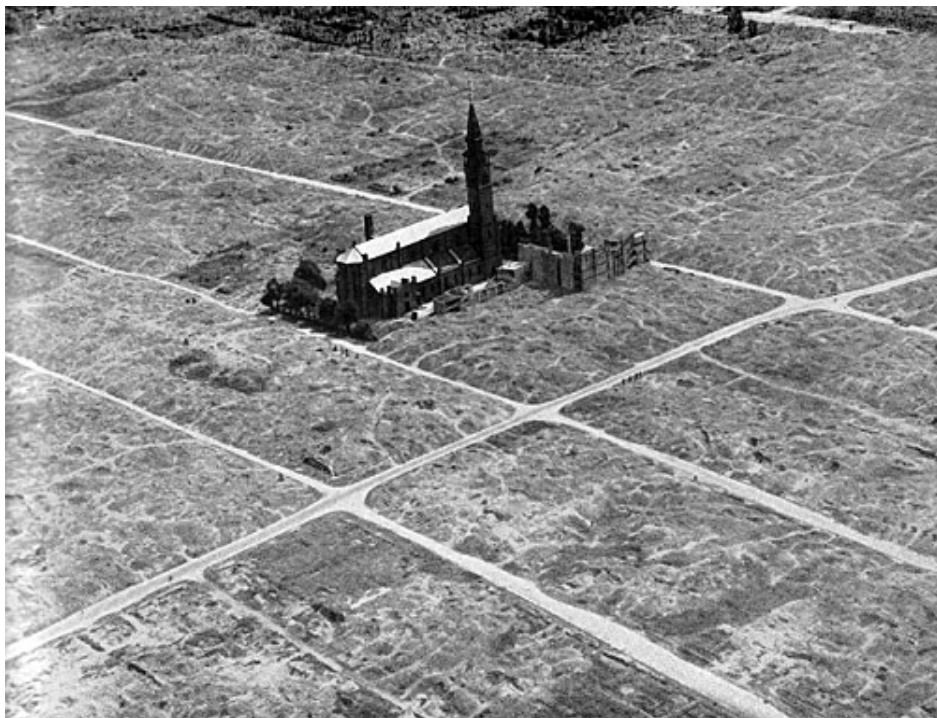
75% - школ, кораблей, путей и трамвайного подвижного состава;

72,1% - квартир;

70% - телефонных сетей;

30% - улиц;

*Минирование сожженного Королевского Замка
– после прекращения боев на Старувке 8.IX.44.*

Так должна была выглядеть вся Варшава

Pro memoria

Разрушение Варшавы документировалось группой немецких фотографов и кинооператоров, благодаря чему у нас есть доказательства тяжкого труда их соотечественников.

На протяжении 110 дней из 123, которые они просидели на Праге, командующие фронтом наблюдали с правого берега Вислы за очередным немецким актом вандализма. Они видели как на ладони сожжение и уничтожение очередных улиц, объектов, взрывы целых кварталов города. Эти разрушения старались документировать, однако никто не мешал немцам в их дьявольской работе.

Варшавские Робинзоны

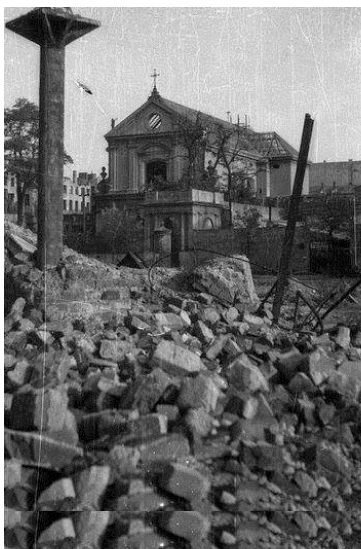
Девятого октября фон дем Бах сообщает, что получил от Генриха Гиммлера распоряжение Гитлера о том, чтобы полностью ограбить и уничтожить Варшаву.

Он издает сводку, содержание которой адресовано эвакуированному населению Варшавы:

„В развалинах Варшавы прячутся поляки, которые могут представлять угрозу для тылов немецких войск. Элементы, скрывающиеся в развалинах разрушенных домов, являются источником постоянной опасности. Поэтому 3 полка полиции – 34, 17 и 23, должны организовать очистку города. К остающимся в Варшаве без разрешения будут относиться как к преступникам, которые будут сурово наказаны, вплоть до смертной казни“.

В то же время по самым разным причинам не все покинули Варшаву. Чаще всего это были прячущиеся евреи, внешность которых не позволяла слиться с толпой изгнанников. Но были также и другие, опасавшиеся немецкой сортировки или просто решившие переждать в развалинах. Они не ожидали целенаправленного разрушения Варшавы и связанного с этим поджога домов, а также того, что в подвалы будут бросать гранаты. Одни делали запасы, другие голодали, у всех были проблемы с водой, гигиеной, крысами и паразитами. Люди прятались во всевозможных местах и хитроумных укрытиях, главным образом в полузасыпанных подвалах или на чердаках, на которые трудно было попасть из-за отсутствия лестниц. Несколько семей пряталось в гробницах на Повонзковском кладбище.

Они были осуждены на экстремальные условия, голод, холод, а в случае обнаружения немцами – на смерть. Ловкость, предусмотрительность, терпение и сообразительность, примененные в этих экстремальных условиях, позволили построить поразительные убежища, благодаря которым они выжили.

На ул. Сенаторской, в башне костела св. Антония Падуанского под носом немцев, располагавшихся в Саксонском саду, трое изгнанников устроили себе укрытие в помещении под крышей башни, лестница в которую была разрушена. Кустарным способом, из того, что было под рукой, они сделали из провода и остатков занавесок веревочную лестницу, которую опускали только ночью, когда двое из них выходили на поиски воды и еды. Тогда третий втаскивал лестницу вверх и дежурил. Это были: сапожник Юзеф Маковецки, солдат батальона Метла Ян Пенчковски и владелец похоронного бюро Януш Швейк.

На ул. Черняковской, в развалинах Фабрики металлических позолоченных и посеребренных изделий Р.Плевкевича 3 человека выжили, прячась в печи для отлива плакированных изделий. Их укрытие состояло из двух котлов высотой 120 см, шириной 80 см и длиной 3 м, соединенных фабричной трубой. Это были Стефан Сьюсарчик и Францишек Гловацки.

На Францишканьской группа из 7 человек спряталась в превращенном в „бункер” подвале. Из подвала они прокопали десятиметровый туннель к близлежащему каналу, откуда черпали воду, фильтруя ее через тряпки и уголь. Канал был их возможной дорогой отступления

В группе повстанцев еврейского происхождения, которой руководил Хаим Ицель Гольдштейн, был также католический ксендз. Свои переживания он описал в книге под названием БУНКЕР.

Им докучали мухи, прилетавшие из канала. Ицель так описал это бедствие:

„Лежа в течение дня в темноте, мы слышали жужжание мух такой интенсивности, что это вызывало ужас. Как только мы зажигали свет, они окружали нас и кусали как бешеные. Лезли в уши, нос, рот. Это была постоянная борьба. А хуже всего было во время еды. Одной рукой надо было защищать миску, чтобы не подпустить мух к еде, а второй отгонять их от лица”.

...”Когда вскоре после этого немцы сожгли здание... читаем мы в Википедии...на головы им свалилась груда кирпича и обломков. К счастью, им удалось выжить, хотя два дня они пробивались наружу ...”

Кроме мух робинзонов преследовали также другие несчастья.

У Вацлава Глут-Нововейского в книге НЕ УМИРАЙ ДО ЗАВТРА можно прочесть:

„...Нам не хотелось двигаться. Ночью крысы, огромные как коты, набросились на остатки крупы из неприкосновенного запаса. Я пробовал их отогнать, но они бросились на меня. Я отступил”.

Недалеко от Францишканьской, в подвалах дома на ул. Фрета 1/3, осталась с ранеными товарищами из батальона „Хробры” майор Данута Сьлэнзак, псевдоним „Блондинка”, автор книги Я БЫЛА ВАРШАВСКИМ РОБИНЗОНОМ. Вот несколько отрывков из этой книги, рассказывающих о страхе, голоде и мелких радостях:

... „Rauss! Rauss! Kommen Sie hier! Девять раненых решили выползти наружу. Их немедленно расстреляли... Через минуту в подвал спустился второй солдат. Зажег спичку, увидел лежащего возле отверстия Мариана, который притворялся мертвым, и выстрелил ему в лоб. Зажег очередную спичку, помахал ею, но не заметил нас, лежавших глубже, а искать ему не хотелось, и он вышел. Перепуганные ребята лежали тихо как кролики несколько часов, я к счастью была без сознания. Когда труп Мариана начал разлагаться, мы вынесли его наружу. Мы положили его тело поверх развалин, прикрывая им вход в наше убежищемы положили их двоих, и они охраняли нас, чтобы мы могли жить дальше...”

В одном из подвалов „Блондинка” нашла спрятанный под углем спирт. Теперь она могла промывать раны своих подопечных. Она также обнаружила *„пять сифонов содовой воды, несколько бутылок вина Золотой Ранет, а также бутылку французского шампанского”*. Это был один из парадоксов того времени – полуживые повстанцы, скрываясь среди развалин, утоляли жажду французским шампанским.

О недостатке воды и необходимости выдавать ее порционно так вспоминает Ст. Хаскелевич:

„Три дня мы не покидали убежища. Уже нет воды, надо ее принести, но откуда? После нескольких часов блуждания ночью по развалинам, по сожженным подвальному коридорам мы принесли только несколько бутылок воды, и то не самой чистой. Это вынудило нас экономить, причем дошло до того, что для мытья нам должно было хватить одной рюмки воды в день”.

На поиски пищи и доставку воды, которую труднее всего было найти в разрушенном городе, люди выходили из своих укрытий только ночью. Ночью также можно было разжечь небольшой огонь, чтобы согреться и что-то приготовить. Днем им грозила смертельная опасность со стороны немецких патрулей и мародеров, поэтому, как правило, они спали.

Хелена Мидлер, которая скрывалась вместе с группой из семи человек на Мокотове, писала:

„Голод и нервы идут рука об руку. Все стали исключительно мнительными и задиристыми. А венцом нашей собачьей доли стало появление на сцене всевозможных вшей, блох и прочих паразитов. Это окончательно истощает остатки нашего хорошего настроения и выносливости”

.....

К сожалению, у „Робинзонов на безлюдном острове развалин” часто сдавали нервы, из-за чего легко возникали конфликты. Худшие инстинкты брали верх. Такое безответственное поведение одного человека могло погубить всех. Вот один из рассказов:

„Вся эта вчерашняя ссора, эти денежные расчеты приобретают все более смешной и одновременно трагический характер ввиду ситуации, перед которой мы стоим”... .. „Снова скандал между Вандой и Михальством, что вызвало у Ванды прямо-таки неслыханный истерический припадок, во время которого она заявила, что если из-за них ей придется выйти, и первый же немец ее ударит, то она не колеблясь выдаст нас. Позже она объясняла мне, что на самом деле никогда бы этого не сделала, а им угрожала специально, чтобы они не смели ее провоцировать. Тем не менее, само высказывание подобного рода было очень неудачным”...

Иногда удавалось найти нечто исключительное: *„Ванда, Яцек и Адек вернулись с совершенно неожиданным результатом. Около 20 кг продовольствия, немного сахара, немного маринованной тыквы, парафин для свечей, фитили для керосиновых ламп и бензин. В общей сложности продление жизни примерно до первого января, конечно без возможности увеличения пайка. На более понятном языке это можно назвать продолжением голодовки на следующий месяц”*.

Алина Гольдфарб пряталась с группой 10 евреев и поляков на углу улиц **Простой и Валицув**. Любое слишком шумное поведение грозило обнаружением и смертью. Поэтому было решено жить ночью, а спать в течение дня. Дым из трубы, заметный днем, мог выдать присутствие людей. Проблемой была также уборная, которую через некоторое время надо было сделать выше и заново обложить кирпичом. Огромной проблемой было также постоянное присутствие крыс, от которых не удалось избавиться.

Приближалась зима, самый тяжелый период для скрывающихся. Переход по заснеженной территории мог навести немцев на след укрытия.

Из Дневника Цецилии Зиневич

„У нас большие проблемы со снегом. На краю крышки, прикрывающей вход, образовалась снежная шапка. Мы стоим на краю и боимся пошевелиться. Наконец Сильвестр поднимает какой-то обломок доски, под которым темная земля. Сюда можно поставить ногу. Потом второй обломок, третий и так до забора. В заборе вырвана доска, а за ней тропинка уже утоптана. По этим черным следам мы осторожно выходим, а возвращаясь утром в убежище, последний укладывает на то же самое место поднятые перед этим обломки жести или досок. Такая осторожность была необходима, потому что свежие следы на снегу навели бы на нас немцев”.

Никто не думал, что сидеть в развалинах придется так долго. Приближалось Рождество, все „пещерные люди”, независимо от вероисповедания, знали, что это особенный день и старались как-то его отпраздновать.

Ян Костаньски, прятавшийся с группой 9 евреев в окрестностях улиц Паньской и Сълиской, так описывает Сочельник⁴⁴:

„Айзык и Натан принесли елку, которая росла возле фигуры Божьей Матери во дворе. Они были убеждены, что Божья Мать не поставит им это в вину. В сочельник Нэха приготовила рыбный суп из порошка. Столом была дверь, уложенная на кирпичи и накрытая простыней. Были и горящие свечи. И все это было для меня, хотя я был единственным среди них христианином. Мы выпили и глотая слезы тихонько запели „Прибежали в Вифлеем пастухи”. Вифлеем был им близок, потому что там родился Давид, пастух, а потом король, который, как они верили, тоже должен вернуться, чтобы спасти мир”.

... "14 января 1945 – За Вислой гремели орудия. Раз грохнуло где-то возле нас, так что мы попадали с нар.

16 января 1945 - Тишина! Мы вышли наружу.

17 января 1945 – Все на улицах обнимались, танцевали на развалинах и бегали от одной пещеры к другой, объявляя, что они уже свободны".

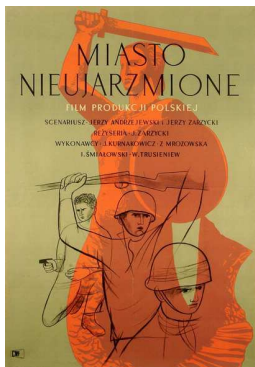
Избранные отрывки из воспоминаний многих людей не показывают полностью того, что они вытерпели, скрываясь зимой в развалинах и бункерах.

Иногда немцам удавалось напасть на след укрытий, они вытаскивали людей-призраков и тогда, если схваченным везло, вывозили их в лагерь, но чаще это заканчивалось смертью.

Это были страшные три с половиной месяца в развалинах Варшавы, но к счастью большинство так называемых Робинзонов выжили.

17 января 1945 г. был для многих днем спасения. После нескольких месяцев ожидания Красная Армия вошла в Варшаву. Робинзоны услышали доносящийся снаружи гомон и польскую речь. Они сами – воняющие грязью и засохшим гноем, завшивевшие, с длинными волосами и ногтями – выглядели как живые трупы. Когда они попадали в госпитали, их брили и велели раздеваться, а одежду поливали бензином и сжигали, чтобы убить червей, которые в ней завелись. Шумные празднования годовщин Варшавского Восстания отодвигают на второй план судьбы варшавских робинзонов, которые решили остаться в своем городе вопреки воле оккупантов. Тем временем в мертвой „Республике развалин” – как называл Варшаву того времени Глут-Нововойски – продолжалась жизнь.

Роль Варшавского Робинзона замечательно сыграл Ян Курнакович в фильме режиссера Ежи Жажицкого: НЕПОКОРЕННЫЙ ГОРОД. В 1950 г., когда фильм снимали, не надо было искать развалины, они были под рукой. Не надо было применять электронные „спецэффекты”, потому что немецкие операторы оставили подробные отчеты о работе своих *Technische Nothilfe*, систематически поджигавших и взрывавших Варшаву. Эти оригинальные немецкие документы ужасают. Но ведь так было.

К сожалению, у фильма есть определенный недостаток. Когда его снимали, в Польше было запрещено говорить правду о Восстании. Поэтому авторам пришлось приспособить сюжет к политическим требованиям, и не надо обращать на него особое внимание, восхищаясь великолепными актерами, которых уже нет в живых: Зофией Мрозовской, Игорем Сьмяловским, Анджеем Лапициком, Хенриком Боровским и главным героем Яна Курнаковича. Фильм легко найти в Интернете и стоит посмотреть эти немецкие сцены в качестве дополнения к нашему ВЫПУСКУ.

На выручку

О спасении исторических памятников написано много толстых томов. В этом скромном выпуске, целью которого является привлечение вашего внимания к важнейшим проблемам, связанным с Восстанием и его последствиями для обычных жителей Варшавы, должно найтись место для более подробного описания хотя бы одного из тысяч действий, направленных на спасение нашего культурного достояния.

В октябре 1944 г., после капитуляции Варшавского Восстания, перед лицом гибели всех ценностей и культурных учреждений люди начали предпринимать усилия, направленные на эвакуацию из Варшавы уцелевших памятников польской культуры. Немцы выдвигали условие, что культурные ценности должны быть перевезены в Рейх.

Решение о начале спасательной операции было принято в Прушкове, во время встречи Станислава Лоренца, директора Национального Музея, с группой добровольцев, а центром операции стала Подкова Лесьна.

Руководителем нелегальной операции был Ян Захватович, с которым сотрудничали Михал Валицки, Станислав Хербст, Петр Беганьски, Станислав Феликсяк, ксендз Хенрик Михальски и многие другие.

Пани Ирма Мерославска, свидетель истории, известная нам по предыдущим ВСТРЕЧАМ И ВЫПУСКАМ, написала размещенную ниже статью, описывающую участь варшавских библиотек, а также личность профессора Станислава Лоренца, директора НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ и создателя, а также первого председателя Общества Друзей Варшавы.

Это Он спас от взрыва здания своего МУЗЕЯ, убеждая немцев, что ему требуется больше времени, чтобы подготовить для них очередной транспорт ценностей.

Аугустин ДОБЕЦКИ

Грабёж фондов варшавской Захенты

Спасение памятников старины во время Варшавского Восстания

Введение

Сегодня модно писать свои воспоминания. Пару лет назад я описала свое детство которое выпало на период войны, оккупации, восстания и изгнания из Варшавы. Воспоминания я посвятила своим близким и всем тем, которых может заинтересовать, как дети воспринимали невообразимую жестокость тех времен и как быстро приспосабливались к царящим тогда условиям.

Теперь мои воспоминания я хочу посвятить книгам. В настоящее время мы переживаем спад интереса к чтению и возможно не все поймут, чем была книга во время оккупации. Книги должны были заменить все прочие средства массовой информации. Поэтому в качестве темы, связанной с годовщиной восстания, я выбрала спасение библиотек, архивов, музейных экспонатов.

Когда после изгнания я вернулась с мамой в Варшаву, в наш, к счастью, неповрежденный дом на Жолибоже на улице Неголевского, то увидела только голые стены. Все ненужные грабителям мелочи, содержимое ящиков столов, фотографии и мои любимые книги, растоптанные, разорванные, лежали под снегом по всему саду. Я старалась спасти, что было можно. Кто-то мог бы счесть глупостью то, что в голоде и холоде, замерзшими руками я выгребала книги из-под слоя мусора и снега. У нас в доме была только одна печка, и возле нее я сушила собранные в саду книги из моей детской библиотеки.

Я искала книги из собрания моих дедушки и бабушки, но безрезультатно. На площади Вильсона было много ларьков со всякой всячиной, также с книгами. У одного из торговцев я увидела пару книг из нашей библиотеки. Мне было очень обидно, но я была слишком мала, чтобы потребовать их возвращения. Сожаление от потери книг, занятый о тех, которые есть у меня сейчас – будут ли они сданы на макулатуру после моей смерти? Это привело к тому, что книги стали героями этих воспоминаний.

После войны я снова имела возможность убедиться, каково было отношение многих людей к книгам, попавшим им в руки. В 1946 году я была на каникулах неподалеку от Щецина в городке Добра. Там был маленький симпатичный особнячок, занятый тогда польской армией. Мой дядя был капитаном ВП (Войска Польского) и иногда брал меня на обед в военной столовой в особняке. Однажды, изучая интерьер, я забрела на чердак. Никогда я не видела такого количества книг в одном месте, ими был завален весь пол чердака. Видимо, их бросали лишь бы как, некоторые были порванные, грязные, а некоторые уже плесневели, потому что в крыше была дыра, в которую затекал дождь. На следующий день я взяла с собой сумку и выбрала себе несколько книг с красивыми иллюстрациями. Я уже знала, что эта немецкая библиотека была предназначена для уничтожения.

По случаю 70-й годовщины я бы хотела обратить внимание не только на трагедию жителей Варшавы, но также на запланированное немцами уничтожение культурных ценностей. Думаю, что эта тема недостаточно освещена.

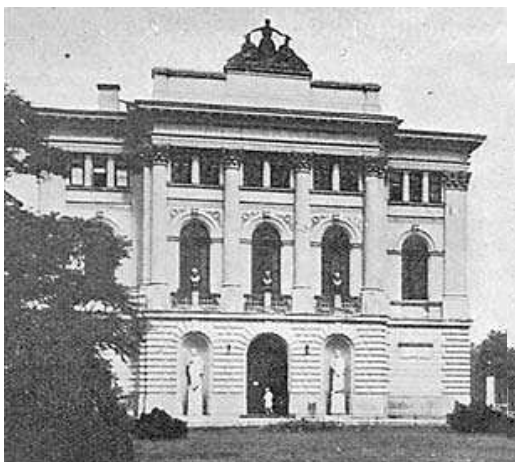
Я уже экскурсовод на пенсии, но хорошо помню, как я начинала изучать историю Варшавы. 50 лет тому назад еще жили люди, которые принимали участие в спасении музейных фондов, библиотек, архивов. Нам, варшавским экскурсоводам, повезло, что к нам на лекции приходили и делились воспоминаниями известные люди, например, профессор Ян Захватович, профессор Станислав Лоренц, Ежи Вальдорфф и другие.

Всегда брызжащий энергией профессор Лоренц чрезвычайно образно рассказывал об ужасающем пейзаже покинутой и все еще разрушаемой Варшавы. Он говорил нам, что каждая уцелевшая бумажка, каждый сувенир приобретали символическое значение, все, что избежало уничтожения, имело ценность, которую невозможно было преоценить.

Ярослав Ивашкевич, который все время общался с группой, организующей спасение, а также вывоз книг и музейных фондов, писал: „Когда-то на основе записей, писем, сохранившихся документов историки смогут воссоздать те времена. Для них это будет сказка о железном волке”. В то время как для профессоров: Лоренца, Захватовича, Ясиньского, Борового и прочих это была часть очень интенсивно переживаемых личных впечатлений. И как бы подробно об этом не рассказывать, это никогда не передаст того настроения, энтузиазма, самопожертвования, с какими действовали те, кто спасал наше культурное достояние.

Поэтому во время лекций мы слушали эти рассказы затаив дыхание. Прошло много лет, не помню, по какому случаю профессор Ст. Лоренц пригласил маленькую группу экскурсоводов к себе домой. К сожалению, он был уже очень болен и лишен прежней бодрости. Профессор сказал нам, что если нас интересует тема спасения культурных ценностей, то мы обязательно должны прочитать коллективный труд „Борьба за культурные ценности”.

Я прочитала два толстых тома с огромным интересом. Сегодня я думаю, что немногие люди обращаются к таким точным описаниям. Я на основе этих воспоминаний хочу очень кратко представить историю университета и Библиотеки Варшавского Университета во время восстания и разрушения города до 17 января 1945 г. На 70-ю годовщину восстания я выбрала для описания именно университет, потому что с этим объектом я в некотором роде эмоционально связана. Хотя бы потому, что я была там вместе со студентами во время демонстрации 8 марта 1968 г. В университете работали также мои родители.

Библиотека Варшавского Университета (бывшая)

Как-то, во время какой-то очередной годовщины, я проводила экскурсию для варшавян на территории Университета. После ее завершения ко мне подошел пожилой пан и поблагодарил меня за то, что я так подробно рассказывала об операции спасения книг. Он сказал, что в ноябре 1944 года в качестве помощника работал при погрузке мешков с книгами на автомобиле. Это приятные моменты, когда кто-то подтверждает наши экскурсоводческие рассказы.

Восстание

На территории Варшавского Университета в начале восстания не было крупных немецких сил. Около 30 солдат охраняли склады оружия и боеприпасов. Слабые атаки со стороны Повислья не принесли повстанцам успеха. Позднее со стороны центральных ворот атаковали даже с помощью знаменитого броневомобиля „Кубусь“, но также безуспешно. Немецкий гарнизон был усилен, а большая часть зданий на Краковском Предместье была уже в руках немцев.

Сначала немцы хотели удалить всех сотрудников, живущих в университетских зданиях, но потом отказались от этого. Поляков использовали для тяжелых работ. Под угрозой расстрела библиотекари и один сторож должны были носить тела немецких солдат, погибших под откосом, на Повислье. После того, как тела убитых приносили на территорию Университета, их надо было похоронить на временном кладбище. Во время рытья могил погиб один из библиотекарей, раненый осколком снаряда.

В самой Библиотеке Варшавского Университета старались спасти самые ценные экземпляры. Это был сизифов труд, потому что солдатня из постоянно меняющихся немецких, казацких, азербайджанских отрядов уничтожала все, что попадало под руку: жгла, рвала, топтала. Затем на разорванные документы и книги — испражнялись, оставляя после себя одну большую клоаку. Когда сотрудники уговаривали их, чтобы без причины не портили ценные вещи, то получали только один ответ: все равно, Alles Kaput. Стопки книг, подготовленных для каталогизации, использовали для постоянной баррикад или в качестве уборных. Любопытно, что так всегда вели себя грабители, которые приходили красть. Это выглядело как обряд, какая-то воровская магия, напакостить напоследок.

Когда обстрел затихал, и немцы возвращались с передовых позиций, начинались оргии с выпивкой, едой и переодеванием в разные ценные костюмы и шляпы, принесенные из соседних дворцов. Пили дорогие вина из частных погребов и танцевали под музыку граммофона. К концу августа, во время смены немецких отрядов, во Дворце Радзивиллов открыли клуб и кухню, выдающую самые изысканные блюда для офицеров. Еда и питье также были из запасов, найденных в соседних подвалах. Библиотекарям велели носить котлы с едой для солдат, расквартированных на территории университета. К счастью, еды было столько, что хватало для сотрудников и проходящих через территорию Университета беженцев.

Много раз приходили командиры разных отрядов и пугали библиотекарей, что у них есть приказ сжечь Библиотеку Университета. Сотрудники показывали им разные документы, которые подтверждали, что фонды целиком должны быть вывезены в Германию. Таким образом они откладывали разрушение

здания, но 18 сентября появился офицер с приказом эвакуировать всех поляков и предупредил, что на следующий день взорвет библиотеку. Сотрудников выгнали и вывезли в направлении Западного Вокзала. Так заканчиваются воспоминания достоверных свидетелей, записанные профессором В.Боровым – директором университетских фондов.

После восстания

Восстание закончилось, но немцы не закончили разрушение Варшавы. В среде представителей мира науки, музееведов, архивистов и библиотекарей появился один вопрос – можно ли еще спасти что-то из культурных ценностей? В населенных пунктах под Варшавой: Прушкове, Подкове Лесной и Миланувке находились выселенные из Варшавы люди, сердцу которых было близко это спасение. Чтобы вновь попасть в город, необходимо было разрешение немцев. Надо было привлечь на свою сторону представителей Главного Опекунского Совета (RGO), потому что только с этой организацией немцы еще разговаривали. Получилось, губернатор Людвиг Фишер и генерал СС Пауль Отто Гейбель согласились принять делегацию с профессором Станиславом Лоренцем во главе.

Довольно долго продолжались торги о спасении коллекций, в конце концов наша делегация вынуждена была согласиться на немецкие условия. Все произведения искусства, книги и архивные материалы, вывезенные из Варшавы, должны были быть на грузовиках перевезены в Прушкув и погружены в поезда, идущие в Германию. Эти работы должны были проходить под контролем немецких специалистов, которыми руководил Шлленберг.

Ежедневно в 6:00 часов утра с базы в Прушкове грузовики должны были отвозить польских работников вместе с назначенными жандармами, так называемыми беглейтерами (begleiter). Бригады делились на те, которые должны были работать в: Национальном Музее, Национальной Библиотеке и Центральном Архиве. Со временем появились новые бригады, занимающиеся также частными коллекциями. Научным сотрудникам помогали группы добровольцев, среди них много железнодорожников. Всем нужны были документы и разрешения для ежедневного въезда в Варшаву.

Разрушенный Дворец Красинских – после восстановления здание Национальной Библиотеки

Быстрое получение этих документов зависело от обычных чиновников. Ускорить процесс помогали подарки – гуси, куры, водка. Гейбель время от времени получал декоративные предметы и картины, конечно меньшей ценности. Речь шла о том, чтобы продлить время, предназначенное для эвакуации произведений искусства перед предполагаемым разрушением зданий. Всеми работами руководил профессор Ст.Лоренц, а участие принимали: Директор Национальной Библиотеки Ю. Грыч, из архивов В.Суходольски, из Университетской Библиотеки В.Боровы, Т.Маковецки, Б.Коженовски. Руководители групп менялись из-за болезней и нехватки сил для выполнения такой тяжелой работы.

Нелегально эвакуированные фонды вывозили в монастырь бернардинцев в Пётркове Трибунальском, где они хранились в старых гробах. Другие отправляли в Ченстохову. Немецкое руководство надо было доброжелательно настроить по отношению к целой операции, в этом помогали продовольственные посылки для их семей в Рейхе: колбасы, птица, водка, а для беглецов ежедневные продовольственные пайки. Первые бригады начали тяжелую - как и предполагалось – работу. На рассвете, на контрольном пункте на ул. Вольской всех обыскивали при въезде в город, а еще тщательнее при выезде. Контрабанда каких-либо предметов каралась расстрелом на месте.

Выжженная Библиотека ординации Красиньских на ул. Окулярник

Въезжающие в Варшаву видели лежащие на обочинах дороги трупы. Вся группа музееведов и сопровождающих лиц знала, что нельзя забирать ни одного, даже самого необходимого предмета. Единственной целью было спасение книг и произведений искусства из музея, на что было получено разрешение. К счастью, в документах не было никаких подробных описаний. Легче было вывозить архивные документы и книги, труднее произведения искусства. Когда вывозили скульптуры из коллекции Альфонса Карного, чуть не дошло до катастрофы. Профессор Ст.Лоренц сидел в грузовике на скульптуре, изображающей голову Людвика Сольского. Жандарм велел ему встать и спросил – а это что? Профессор, долго не думая, ответил – это ваш фюрер. Жандарм отдал честь и пропустил их дальше без дальнейших возражений. Но это было позже.

Первую встречу с разрушенным городом профессор Лоренц описал так: „Варшава в руинах, везде развалины, сожженные или разрушенные дома. Стены со слепыми окнами, кое-где расколотые пополам квартиры с остатками висящих труб, а также печей и мебели, словно висящих в воздухе. Между развалинами еще остались уцелевшие дома. Остался Национальный Музей, университетские здания и часть Краковского Предместья, здания Банка Народного Хозяйства, здание Факультета Архитектуры, Национальная Библиотека, Бельведер”. Такую Варшаву увидели те, сердцу которых было близко спасение культурных ценностей от полного уничтожения.

Группы приезжали Иерусалимскими Аллеями на перекресток с Новым Святом, разделялись и ехали к отдельным объектам. Те, которые доехали до Библиотеки Красиных, увидели полностью сожженное здание. Внутри на полках ряды книг – мгновение радости, но это была только иллюзия, когда люди подходили ближе, книги рассыпались в прах. Лишь во дворе находились груды книг. После тщательного осмотра оказалось, что это были ценные экземпляры из Библиотеки Залуских.

Все члены спасательных бригад работали под угрозой того, что все может превратиться в пепел. Работа в осенне-зимних условиях часто превышала их силы, напоминая работу в концентрационных лагерях. Профессор Т.Маковецки так описывал группу библиотекарей и музейных работников: „Надо было ждать, иногда очень долго, на площади возле Нового Свята, на обратный транспорт. Мы шли группками, замерзшие, странно одетые. Профессор Боровы ежеминутно снимал митенки с рук, которые у него синели и коченели от мороза. Он был одет в меховую дамскую накидку и берет на голове. Известный скульптор Альфонс Карны в летнем пальто, но в толстом башлыке или капюшоне на голове. Профессор Гродек в короткой куртке, другой в пыльнике, натянутом на осеннее пальто, доктор Станислав Хербст повязал голову куском белой ткани, Я.Коссоного с обвязанными зубами, а хромящие доктора Сенкевич и Валички с палками. Мы выглядели как обанкротившиеся золотоискатели или остатки наполеоновской гвардии во время отступления из-под Москвы”.

Тяжелые зимние условия к счастью отпугивали немецких экспертов от непосредственного наблюдения. В здании Университетской Библиотеки не было ни дверей, ни стекол в окнах, ветер гулял по всем помещениям. У библиотекарей не было другой возможности, они были вынуждены паковать книги в мешки и ящики, чтобы быстро подготовить их к перевозке. Стережущим их жандармам надо было предоставить какое-то маленькое помещение, обогреваемое печкой, в котором они могли проводить большую часть времени, угощаясь алкоголем и провиантом.

Главный читальный зал старой Библиотеки Варшавского Университета

Устраиваемые ими проверки были уже только обычной формальностью. Никому из них не хотелось бегать по этажам, как сотрудникам, которые, невзирая на температуру должны были выполнять свои задачи. Одна из библиотекарей, пани Кавецка-Грыч, заданием которой было отбирать на складе старопечатные книги, вспоминает: „В БВУ к концу XIX века вместо перекрытий использовали железные решетки. На постоянном морозе железные полки и железные полы превратились в ледники. Стекла были выбиты, по складу гулял настоящий смерч. Как выдерживали эти условия люди, проводившие там пару зимних месяцев – трудно понять!“.

Судьба вывозимых в Германию книг была неопределенной, никто не знал, куда на самом деле направляются вагоны и как будут храниться книги и архивные документы. Поэтому старались найти относительно безопасные места в подвалах зданий. В БВУ был один такой подвал, изолированный от остальной части здания и только с одной дверью, которую несложно было бы замуровать. План переноса туда книг был непрост, потому что это должно было происходить в стогорой тайне, чтобы не узнали немцы. Но игра стоила свеч, потому что в подвал можно было сложить несколько десятков тысяч книг. Когда подвал был уже заполнен, наступил самый трудный момент – надо было замуровать вход. В течение нескольких дней тайком носили кирпичи из окрестных развалин. Каменщика и раствор привезли на грузовике из Прушкова. Большой проблемой была доставка воды из отдаленного колодца. Надо было отвлечь внимание беглейтера, который уже начал интересоваться, для чего запасают воду в ведрах. Испытанным способом для того, чтобы отделаться от шкопа, было отправить его с одним из наших мародерствовать в богатых подвалах по соседству.

Когда работа была уже почти закончена, внезапно появилось несколько офицеров. Обычно им предлагали водку и закуску, к сожалению, начался советский налет, и офицеры немедленно решили спрятаться в подвале. Невозможно было их остановить. К счастью, каменщик уже закончил работу, и новую стену заслонили шкафом. Дело кончилось лишь испугом.

Бывшая библиотека ординации Замойских при Голубом Дворце

После войны

Работа по вывозу книг продолжалась до 15. I. 1945 г. 16 января грузовиков уже не было, и, что важнее, немцы ночью удрали. Начался следующий этап работы. Снова надо было беречь от расхищения оставшиеся в объектах остатки. Вместе с возвращавшимся в Варшаву населением в город прибывали воры, грабители, бандиты, рассчитывая на то, что до возвращения владельцев можно будет в развалинах найти много ценных вещей.

Поведение советских солдат в тех местах, где они квартировали, также представляло опасность. Профессор Б.Кожневски в своих воспоминаниях описывал драматические ситуации, когда Советы беспечно разжигали костры на территории университета, где в уцелевших зданиях были склады боеприпасов и оружия. Солдаты поджигали остатки угля, и искры этих костров, несенные ветром, легко могли привести к взрыву боеприпасов в Аудиториум Максимум. Борьба за уцелевшие остатки культурных ценностей была нелегкой. Профессор Ст.Лоренц вспоминал, что иногда без всяких полномочий на исторических объектах устанавливали таблицы с предупреждением: "Запрещено трогать что-либо под угрозой расстрела".

Третий, важнейший этап, это поиски вывезенных книг. Пока что, летом 1945 года, поиски сосредоточились на так называемых Западных Землях. Книги из Национальной Библиотеки, вместе с книжным фондом Библиотеки Варшавского Университета, вернулись в Варшаву по железной дороге в первые дни октября 45 г. Весь транспорт насчитывал 8 железнодорожных вагонов. Оскверненные, уничтожаемые книги спасли от унижения и вернули на полагающееся им место. Они снова заполняют полки библиотек, снова начали служить всем людям.

Так я закончу свой рассказ о тех отдаленных временах в уничтоженной и ограбленной оккупантом Варшаве. Все фонды не удалось вернуть до сих пор, но стоит помнить о той группе наших ученых, музейных работников, архивистов, библиотекарей и художников, которые совместными усилиями старались спасти хотя бы часть нашего национального культурного наследия.

Ирма МЕРОСЛАВСКА

ПРОБЛЕМНЫЕ ВЫПУСКИ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ ВАРШАВЫ Выпуск 6 /7 из серии „Гражданское население в Варшавском Восстании 1944”

Тексты: Ирма МЕРОСЛАВСКА, Аугустин ДОБЕЦКИ, доступные публикации. Фотографии: из архивов ОДБ, а также из Интернета;
Обработка: Марта и Аугустин Добецкие; перевод: Катерина Харитонова;
тираж 120+30 экз.

Роберт Яроцки в своей книге „Беседы с Лоренцем“, (Варшава, 1981) написал:

„Профессор Лоренц жил тогда в Подкове Лесной у своих родственников, вставал на рассвете, а точнее темной ночью, потому что это были месяцы глубокой осени и начала зимы, а в Прушкове, куда Лоренц направлялся, он должен был быть до пяти часов. Из Брвинова в Варшаву выезжал немецкий грузовик с рабочими, среди этих рабочих находился Лоренц; приехав в Варшаву, он сбегал, если ему это удавалось, и ходил по указанным адресам, стараясь найти в известных местах ценные для польской культуры вещи и привезти их в рюкзаках или мешках назад в Прушков. Поздним вечером он возвращался в Подкову. Тогда он шел в кафе пани Сухецкой и там встречался со своими информаторами ...”

Окрестности Еленей Гуры, 07.1945 г. В горных тайниках найдены спрятанные, вывезенные немцами картины Яна Матейко: Рейтан, Люблинская Уния и Баторий под Псковом. На снимке: из тайника выносят ящики с картинами. За работой наблюдает директор Национального Музея в Варшаве Станислав Лоренц (первый слева).

wydano nakładem CZŁONKA WSPIERAJĄCEGO TPW – firmy

COMPLET

USŁUGI PROJEKTOWE

Warszawa ul. Poprzeczna 18K * Biuro: Józefów k. Warszawy ul. Kormoranów 34 * tel/fax 022 789 49 31
WIELOBRANŻOWE PLANOWANIE I PROJEKTOWANIE ZAGOSPODAROWANIA TERENU, DRÓG,
INFRASTRUKTURY MIEJSKIEJ, ZIELENI

